

ЯКОВ РИЕР (Могилев)

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ФОНЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕВРОПЫ В I – НАЧАЛЕ II тыс. н. э.

Предистория Великого княжества Литовского, возникшего на обширной территории Восточной Европы во второй половине XIII в., уходит в раннее Средневековье – время складывания государственности у большинства европейских народов. Это была эпоха возникновения у первобытных племен потестарных сообществ, формирования племенных союзов – простых и сложных вожеств – и постепенного преобразования большинства из них в ранние монархии. Но в разных регионах континента указанные изменения происходили в различное время, что обуславливалось, прежде всего, природно-географическими факторами.

Уже с IV–V вв. происходило формирование протогосударственных структур у *германцев*, ранее других европейских варваров вступивших в контакт с единственным государством на континенте в древности – Римской империей. Но помимо внешних импульсов консолидации племенной знати на динамику общественных изменений у германцев повлияли и особенности природной среды, прежде всего ландшафтов. Иначе, например, трудно объяснить появление сложного вожества – ранней монархии, в отдалении от римского лимеса, в восточноевропейской лесостепи – у готов в Северном Причерноморье.

Ограниченность земельных ресурсов в ареале формирования германского этноса – Южной Скандинавии – и близость моря стимулировали образование подвижных дружин с предводителями – конунгами. Они и становились консолидирующей силой в преодолении первобытного равенства. Но, кроме того, мелкоконтурность земельных угодий в регионе сложения германцев, порожденная горами в Южной Скандинавии и заболоченными низинами на южном побережье Северного и Балтийского морей, способствовала формированию специфической формы древнегерманского землепользования – ограниченных семейных владений – одалей. На их основе и сформировались известные наследуемые семейные землевладения древнегерманских племен – аллоды. Обособлению аллодов способствовала – при мягком атлантическом климате – возможность отдельной семьи обеспечивать свои потребности без помощи соседей. Римское влияние укрепило аллод как форму индивидуальной земельной собственности. Именно аллоды ускорили формирование и структуризацию выделявшихся дружинников. Уже при Меровингах (VI–VII вв.) они получали аллоды в награду за службу.

У восточных соседей германцев – древних *славян* – устойчивые вожества, основа будущих ранних государств, появляются значительно позднее. Первое Болгарское царство возникло в конце VII в. Сказалась организующая сила тюркок-протоболгар, а также близость Византии.

В Центральной и Восточной Европе государственность стала формироваться лишь в IX–X вв. Основной причиной именно таких ритмов общественных изменений были даже не удаленность от позднеантичной среды, а, опять-таки, природные условия: нарастающая по мере продвижения на восток континентальность климата, сокращавшая время возможности сельхозработ на 2–3 месяца по сравнению с западом континента. Отсюда и меньшая плотность населения, и потребность в совместном, коллективном труде, что консервировало общинное единство у славян и затрудняло выделение устойчивых семейных наделов. В итоге не формировалось представления об огороженных индивидуальных владениях, защищенных правом, как, например, у франков в Правде. Поэтому появившиеся уже в VIII в. дружинники не могли оседать на землю и концентрировались вокруг резиденций князей¹. Тем самым замедлялось формирование феодалов – сеньорий – как основы существования правящего сословия.

В *Юго-Восточной Прибалтике* государственность формировалась еще позже в силу, прежде всего, все тех же природно-географических причин. Можно согласиться с С. П. Витязем, заметившим, что «древние балты считаются исключительно консервативным, малоподвижным обществом, что в определенной степени обусловлено специфичным ландшафтом восточноевропейской лесной полосы (представление о котором может дать Беловежская пуца, последний реликтовый лес в Европе)»². Отсюда – экстенсивное хозяйство, распыленность населения и его бедность, что замедляло становление знати, так и превращение ее в решающий фактор общественного прогресса. Ибо для возникновения устойчивого военно-административного сословия было необходимо наличие стабильного избыточного продукта для отчуждения. В тогдашних условиях постоянное содержание дружин было возможно лишь при концентрации рядового населения на компактной территории, чему указанные ландшафты не способствовали.

При этом, в отличие от славян, балтские племена не были знакомы с лесостепной земледельческой культурой. Однако и приморское расположение не дало им тех стимулов, которые имели германцы. Сказалось, во-первых, различие береговой линии. Изрезанные, во многом скалистые берега Скандинавии способствовали мореходству. Пологое мелководное, песчанистое побережье Восточной Прибалтики, наоборот, было пригодно лишь для мелкосидящих лодок, что, наряду с обширным равнинным ландшафтом, ориентировало балтов вместо моря на противоположные от побережья восточноевропейские

¹ Об археологических свидетельствах выделения знати у западных славян см.: *Риер Я. Г.* Становление феодальных отношений у западных славян в свете археологических данных // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 123–128.

² *Віцязь С.* Прусы і яцвягі ранняга сярэднявечча: этнакультурныя трансфармацыі ў Верхнім Панямонні. Мінск, 2012. С. 163.

лесные просторы, которые они и заселяли от балтийского побережья вплоть до верховьев Днепра и Волги. Там они существовали в тех же условиях, что их северные и восточные соседи – финно-угры, вообще не достигшие стадии государственности до подчинения их восточными славянами.

Считается, что большинство балтских племен сохраняло родовые отношения и в развитом средневековье¹. Но, несмотря на немногочисленность², балты отличались стойкостью, отбиваясь в X–XII вв. как от киевских князей, так и от викингов³. Впрочем, вероятно, и тех, и других интересовали не столько леса с бедными почвами и редким населением, сколько стратегически важное балтийское побережье и торговые пути по Неману и его притокам в направлении Днепра. Но именно разбросанность населения делала его малоуязвимым.

Уже с конца VII в. н. э. у балтских племен фиксируются хозяйственные и социальные изменения. Отмечено появление укрепленных усадеб, наборы дорогих украшений – свидетельства выделения знати. Погребения с воинским инвентарем интерпретируются как доказательства появления дружинников. В их боевом снаряжении прослеживается норманнское влияние. Отмечу, что дружинники здесь появились одновременно с аналогичной категорией у славян. Но дальнейшее их распространение происходило медленнее.

Больше свидетельств о дружинниках у балтов появляется с X в., а массовыми они становятся в XI–XII вв., когда у славян уже существовали ранние государства – известные княжества. Э. Гудавичюс пишет о «викинговом литовском обществе», о заимствовании у норманнов земельных порядков – «одальном праве»⁴. Надо заметить, что «типологические параллели из викингов» Гудавичюса среди белорусских историков восприняты критично⁵. Они, действительно, выглядят несколько декларативно. Но, с другой стороны, характер сельского расселения литовцев истари и до нашего времени – хуторной, что напоминает северогерманские культурные ландшафты, отражавшее, как уже отмечалось, существование именно индивидуальных крестьянских хозяйств – аллодов⁶.

Хуторное расселение в Восточной Прибалтике также было обусловлено природой – сельскохозяйственные угодья формировались на свободных от ле-

¹ См., напр.: *Дзярновіч О. І., Носевіч В. Л., Назарова Е. Л.* Год Миндовга // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 г. М., 2004. С. 66; *Краўцэвіч А. К.* Вялікае княства Літоўскае ў другой палове XIII – пачатку XIV ст. і генэзіс дзяржавы па пісьмовых і археалагічных крыніцах: аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук. Мінск, 1998.

² К 1000 г., уже разделившиеся на западных (прусы, ятвяги) и восточных (литовцы, курши, латыши), они насчитывали около 480 тыс. человек. См.: *Петкевич К.* Великое княжество Литовское // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 305.

³ Гісторыя Беларусі. Т. 1. Мінск, 2007. С. 195.

⁴ *Гудавічюс Э.* История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 30. См. также: *Жулкус В.* Изменения в мировоззрении куршей в раннем средневековье // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004. С.153–163.

⁵ *Насевіч В., Свяжынскі У.* Міндоўг знаёмы і незнаёмы: погляд літоўскага гісторыка // БГА. 1999. Т. 6. Сш. 1–2. С. 261–272.

⁶ *Риер Я. Г.* Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным. Могилев, 2000. С. 197–198.

сов и болот небольших по размерам всхолмлениях, аналогично шведским одалям. Так что хуторной, индивидуалистичный характер землепользования вполне мог породить форму, аналогичную скандинавской. Тем более, что индивидуализм литовского крестьянства фиксировался и в конце XIX в. Его критиковал такой сторонник общинных порядков, как А. А. Кауфман¹. На восточно-прибалтийскую систему индивидуального крестьянского землепользования, вспомним, опирался, как на пример, в своей аграрной реформе П. А. Столыпин.

Конечно, индивидуальное землевладение в балтийских землях во многом было связано и с влиянием крестоносцев. Но если вспомнить, что немецкие порядки в Прибалтике укоренились, а, например, в Поволжье, где со времен Екатерины II сложилась большая колония немецких крестьян, не были восприняты местным населением, то вполне можно согласиться с тем, что индивидуальные крестьянские хозяйства и были особенностью балтов-литовцев, причем даже без влияния викингов, которых Гудавичюс привел как дополнительный аргумент.

В XII в. «сложился предгосударственный союз литовских племен во главе с первичным центром бассейна Нерис»². Пик процессов консолидации литовского общества пришелся на время Миндовга – вторую треть XIII в., когда воедино сплелись внутренние и внешние факторы. К внутренним можно отнести укрепление и консолидацию дружинного слоя (знати). Недостаточность источников не позволяет, однако, обстоятельно проследить развитие данного процесса.

Впрочем, это относится и к большинству европейских варваров, да и вообще древних народов. Ибо в такое переходное время у них обычно отсутствовала письменность. Больше повезло, как известно, древним германцам, имевшим «своего» Тацита. По аналогии с ними можно предположить, что постепенное накопление количества дружинников происходило как во время внутренних конфликтов, разраставшихся по мере роста населения, дележа угодий и захватов припасов, так и в ходе внешних походов. Вышеуказанные следы норманнского влияния в вооружении могут указывать как на участие викингов (варягов на Руси) во внутренних усобицах, но так же об участии литовских воинов в дальних походах тех же норманнов. В этих походах происходило не только накопление богатств и оформление дружинного слоя, но и выделение вождей, постепенно забиравших в свои руки управление местным населением. На указанные процессы у литовцев ушло около трех столетий. Гудавичюс определяет данный – дружинный – период в 200 лет. Считает его долгим и вину за это возлагает на Русь, в меньшей степени – на Польшу, неоднократно совершавших походы на литовцев в XI в. И лишь последующее раздробление Руси, замечает он, позволило литовцам «обрести свободу»³.

¹ URL: <http://polit.ru/research/2011/04/14/dolbilov.html> (дата обращения: 2.10.2013 г.).

² Норкунас А. «Племенной литовский народ на востоке» (резюме // Arvydas Norkūnas. Gentinė Lietuvių tauta gytuose [Электронный ресурс]. Vilnius, 2001. P. 160–169. URL: <http://norkunas.ru>. (дата обращения 27.03.2002 г.).

³ Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 года. С. 33.

Но если продолжить сопоставление с древними германцами, то вспомним, что появление дружины у них Тацит констатирует уже в I в. н. э. А первые варварские так называемые королевства (вожества, по определению антропологов) возникли у них же лишь к концу IV – V в., то есть спустя почти полтысячелетия. Литовцы этот путь перехода к вождеству прошли, как видно, быстрее, так же, кстати, как и восточные славяне. Да и сами походы воинственных соседей, учитывая как их скоротечность, так и узкий территориальный охват (только вдоль передвигавшейся дружины), имели не столько разрушительный эффект, сколько консолидирующий. Сопrotивлявшееся население приучалось создавать организацию для отпора – свою дружину, которая становилась постоянной силой, что возвышало ее вождей, приобретающих легитимность.

Можновладство (период раздробленности) в Польше и распад Руси на уделы – и тут Гудавичюс прав – позволили литовцам перейти в наступление. Агрессивность литовских племен, очевидно, стимулировалась теми же интересами, которые в свое время направляли в римские провинции германцев, искавших там отсутствовавшее среди соотечественников богатство. Литовские дружинники его искали в более богатых древнерусских и, в меньшей степени, из-за удаленности, в польских землях. Эти походы ускоряли социальную дифференциацию литовского общества, в котором именно в XII–XIII вв. формировалась собственность знати. Гудавичюс подчеркивает, что в условиях формирования *одального права* литовский социум развивался по германскому, а, значит, западноевропейскому пути: создания обособленных индивидуальных владений, в противоположность восточнославянским общинным порядкам¹.

Недостаток источников не позволяет четко представить это развитие. Но природные условия Юго-Восточной Прибалтики действительно, как отмечалось, способствовали формированию небольших хозяйств типа одалей. Только, в отличие от Скандинавии, земельные владения здесь ограничивались не горами, а болотистыми низменностями, как в Нидерландах, где в раннем средневековье складывался такой же аграрный пейзаж – на сухих водоразделах. В итоге появились мелкоконтурные угодья, характерные, кстати, для региона и теперь. Аналогично формировалось и сельское расселение в соседней Северо-Западной Руси². Близкая ситуация была и в черносозных волостях северо-востока Руси, где при дискретно-гнездовом типе расселения распространялись крестьянские наследственные владения, значительные по размерам из-за разреженности населения. При этом на севере и северо-востоке Руси эти владения ограничивались не горами и не болотами, а тайгой.

К факторам, стимулировавшим усиление у литовцев роли дружины и консолидации знати, следует добавить и появление в регионе крестоносцев. Борьба с тяжеловооруженным западным воинством активизировала и поиски союзни-

¹ Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 года. С. 33–36.

² См.: Риер Я. Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным. С. 23–26.

ков, что способствовало накоплению внешнеполитического опыта: формировались более разнообразные отношения литовской элиты с Новгородом, Псковом, Полоцком, Волынью, что было существенным элементом в процессе преобразования литовского общества при Миндовге, подчинившим своей власти литовские земли, вероятно, в 40-е гг. XIII в.

Очевидно, успехам Миндовга, помимо известной для таких личностей агрессивной целеустремленности, способствовала его активность в южном направлении – в зажиточные, но ослабленные усобицами, а затем и монгольским нападением древнерусские земли, и прежде всего во владения Полоцка, на который его влияние стало распространяться уже к 1240 г. Именно эти земли и обеспечивали дружину Миндовга необходимыми ресурсами, коих им недоставало в собственно литовских владениях. Впрочем, считать созданное Миндовгом объединение государством, как часто читаем в литературе, если следовать понятиям политической антропологии, еще преждевременно.

Известная в его правление жесткая борьба за власть свидетельствует о еще не сложившейся в среде знати иерархии, об отсутствии у нее четких представлений о своих функциях и роли. Импровизации Миндовга с крещением, потом возвращением в язычество демонстрируют поиски им опоры для оправдания своей власти, выходящей за рамки родовых традиций. Перед нами – типичное вожжество, под водительством Миндовга превращавшееся из простого в сложное. Убийство Миндовга вместе с сыновьями в 1263 г. в результате заговора его же приближенных можно рассматривать и как реакцию на жестокость его правления¹. Показательно, что дружина во времена Миндовга, как и на Руси в IX–X вв., занималась грабежами и полюдьем, что также было свойственно именно предгосударственной ситуации².

Последовавшая за убийством Миндовга кровавая борьба его преемников демонстрирует отсутствие устоявшейся системы управления. Старая родовая система уже была разрушена. Новая, которую мы называем государственной, еще только создавалась. «При Миндовге началась кристаллизация более ясного династического самосознания... Возникает концепция государства как территории... После смерти Миндовга соперничество за обладание престолом шло только внутри его семьи...». Но, все же, «...несмотря на то, что процесс формирования династии заметно продвинулся вперед, смута второй половины XIII в. роду Миндовга утвердиться не позволила». В итоге, «несмотря на большие усилия историков, до сих пор не удалось убедительно обосновать возможные генеалогические связи между родами Миндовга и Тройдена или Тройдена и Гедимины... А косвенные данные скорее говорят об отсутствии прямого родства. Традиция позднейших Гедиминовичей не знает ничего определенного ни о прав-

¹ Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 года. С. 40–74; Дзярнович О. И., Носевич В. Л., Назарова Е. Л. Год Миндовга; Насевич В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 1993. С. 27–50; Петкевич К. Великое княжество Литовское. С. 309–311.

² URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/14208/13-Dubonis.pdf?sequence=1> (дата обращения: 4.02.2014 г.)

лении Миндовга, ни о княжении Тройдена». Но «все эти роды... происходили из так называемой Литовской земли, то есть тех земель современной Восточной Литвы и Западной Белоруссии, которые с самого образования Литовского государства оставались политическим и экономическим ядром страны. Отсюда происходил род, который уже позже, в летописях XVI в., ретроспективно получил имя Гедимины (Гедиминовичей), возвысился в период смуты и внутреннего кризиса XIII в., затянувшегося после убийства короля Миндовга»¹.

Далее Р. Петраускас отмечает, что среди литовской знати в XIII в. вполне могли быть и иноземцы: «“Литовцы”, упоминаемые тогдашними источниками, – это не только люди, говорящие на одном языке..., сколько представители конкретного политического образования... Такие “литовцы” вскоре появились и в тех русских землях, которые раньше всего стали частью формирующейся политической организации (Новогрудской, Полоцкой и др.) и далее: «...важнейшим источником власти литовской знати была... власть и авторитет по отношению к живущим поблизости людям». Правление Миндовга автор относит к архаичным формам кланового типа². Об этом же, кстати, писал и Я. Юхо, обоснованно проводя параллели с варягами на Руси: термин «“літва”... ў XI–XIII стст. ён быў не этнічным, а сацыяльна-прафесійным. Літвінамі, або літвой, называлі вольных ваяроў-язычнікаў, таксама як русскіх, або варагамі, а потым казакамі, называлі не этнічныя, а сацыяльна-прафесійныя групы вольных воінаў»³.

Очевидно, во времена Миндовга и его непосредственных преемников их верховная власть еще не признавалась самой элитой, по крайней мере ее частью. Поэтому применение к эпохе Миндовга в новейшем обобщающем труде по истории Литвы на русском языке термина *государство*⁴, с точки зрения политической антропологии, выглядит неточным. Как и в монографии А. К. Кравцевича, в которой он также пишет о *державе Миндовга*⁵.

Ситуация изменилась лишь в первой половине XIV в., при Витене и Гедимине, когда власть окончательно перешла к их роду, земли которого располагались примерно в междуречье средних течений рек Немана и Няриса⁶. В этот период происходило активное формирование власти литовских князей в Полоцкой, Туровской и Берестейской землях через военный нажим, но чаще через договоры и брачные союзы⁷.

¹ *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства // Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 1. С. 98–99.

² Там же. С. 104–105, 108.

³ *Юхо Я. А.* Канцэпцыі фарміравання Вялікага княства Літоўскага // БГЧ. 2003. № 9. С. 10.

⁴ История Литвы. Вильнюс, 2013. С. 17, 25, 30–34.

⁵ *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. Rzeszów, 2000. С. 192 и др.

⁶ *Гудавичюс Э.* По поводу так называемой «диархии» в Великом княжестве Литовском // Феодализм в балтском регионе. Рига, 1985. С. 37.

⁷ *Гудавичюс Э.* История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 года. С. 74–84; *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. С. 223–226; *Петкевич К.* Великое княжество Литовское. С. 313–315; *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства. С. 100–102; *Флоря Б.* Точка распада. «Вся Русь» в политике Вильно и Москвы // Родина. 2003. № 11. С. 28.

Очевидное отсутствие у Витеня властных амбиций вывело в лидеры его младшего брата Гедимина и сделало именно его основателем династии. И хотя старшие сыновья Гедимина после смерти отца презрели его волю, устранив того, кому он завещал трон, но права рода Гедиминовичей уже не оспаривались. Это продемонстрировало совместное, по сути, правление Ольгерда и Кейстута, что положило начало специфической системе правления в княжестве – диархии, известной раннегосударственной форме организации власти.

Таким образом, эпоху Миндовга можно рассматривать как завершение процесса перехода к государственности, при которой еще сталкивались прежние, родовые, первобытные формы социальной организации (племенные княжения, соперничество местных предводителей со своими дружинниками, договорные начала при определении общего, верховного правителя) с новыми формами правления (выдвижение победившего в соперничестве правящего рода, формирование знати с представлениями о властной субординации). Такие общества можно относить к *сложным вождествам*. Эпоха Витеня и Гедимина – уже вполне оформленное *раннее государство*. В эту эпоху история Литвы тесно переплетается историей соседних древнерусских княжеств.

Геополитическая ситуация в регионе породила взаимную заинтересованность друг в друге литовской и соседних восточнославянских правящих элит. Польский исследователь Марцелий Косман отметил редко встречаемый симбиоз в создании единого государства¹. На этой основе уже со времени Миндовга и его наследников происходит оформление Великого Княжества Литовского – по сути, политического союза нескольких восточнославянских княжеств с наиболее сильными и политически амбициозными литовскими вождями и их дружинами². В итоге литовская знать получила доступ к обширным ресурсам Поднепровских земель, а восточнославянские верхи – не увязшую во взаимных склоках и усобицах силу, способную организовать не только сопротивление агрессорам, но и самим проводить активную внешнюю политику³.

Представляется, что литовские дружинники в данном случае сыграли ту же роль, что и норманны при создании Нормандского герцогства на севере будущей Франции в X в., Сицилийского королевства в XI в., а также в активизации процесса государствообразования в Древней Руси. Если пользоваться известными

¹ Kosman M. Historia Białorusi. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. S. 50.

² Баранавіцкі Т. Новогрудок у XIII в.: гісторыя і міф // Castrum, urbis et bellum. Баранавічы. 2002. С. 30–39; Великое княжество Литовское // Родина. 1993. № 3. С. 81–93; Віданава І. А. Як пераадолець міфатворчасць ў беларуская медыевістыцы, або што такое феадальная дробнасць // Terra historica. 1. Мінск, 2002; Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С. 267; Краўцэвіч А. К. Вялікае княства Літоўскае ў другой палове XIII – пачатку XIV ст. і генэзіс дзяржавы па пісьмовых і археалагічных крыніцах. С. 23–24; Его же. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. С. 180; Семеннікова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 2000. С. 68–69.

³ Подробный и обстоятельный анализ историографии литовско-славянских отношений в рассматриваемое время сделал недавно С. Н. Темушев: Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. Минск, 2015. С. 216–257.

идеями Л. Н. Гумилева о пассионарности, к тогдашним литовцам это понятие вполне подходит. Тем более, что в процессе расширения политического влияния литовских князей и создания ВКЛ ими и их дружинниками, возможно, могло как-то осознаться давнее (еще в железном веке), нахождение балтов в Верхнем Поднепровье и Подвинье¹.

Так на наших землях и – шире – в Поднепровье сложилось государство с преобладающим восточнославянским православным этносом, соответствующими языком и культурой и литовским названием². При этом литовским князьям хватило понимания «не рушить старины», то есть сохранять в присоединенных землях местные обычаи и порядки, что способствовало политическому объединению. Гибкую систему управления разными частями и уделами, сложившуюся в ВКЛ, подробно рассмотрел еще М. В. Довнар-Запольский³.

Надо заметить, подобная тактика была характерна для наиболее успешных завоевателей. Вспомним эпоху арабской экспансии и времена Дамасского и, в первый период Багдадского халифатов с религиозной и культурной толерантностью тогдашних арабов. Да и монголы на Руси также предпочитали не вмешиваться во внутренние распорядки, и с православной церковью поладили. Определенной внутренней толерантностью отличались и османы (о чем, кстати, любят вспоминать лидеры современной Турции).

Впрочем, литовская знать, хотя и не чуралась интеграции со славянско-православной элитой, сохраняла свою особость, и, очевидно, в качестве противовеса проявила заинтересованность в связях с западом, где располагался другой естественный ее союзник в борьбе с крестоносцами – Польша. Через нее, вместе с католичеством воспринимались и другие элементы западноевропейской цивилизации, которые в течение XV–XVI вв. существенно преобразовали внутреннюю жизнь населения ВКЛ. С упадком и гибелью Византии здесь усилилось и западное культурное влияние: в XIV–XVI вв. распространяется готика, а с середины XV в. – и ренессансные мотивы⁴.

---

¹ *Топоров В. Н.* Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // *Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века.* М., 1990.

² *Археалогія Беларусі. Т. 4.* Мінск, 2001. С. 5; *Великое княжество Литовское* // *Родина.* 1993. № 3; *Гісторыя Беларусі. Т. 2.* Мінск, 2008. С. 80–82; *Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации. С. 268; *Насевіч В., Свяжынскі У.* Міндоўг знаёмы і незнаёмы: погляд літоўскага гісторыка. С. 260, 294; *Риер Я. Г.* Приднепровье в средние века // *Lietuvos Archeologija.* 2001. № 21. Р. 293–298; *Его же.* Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. С. 86–87; *Kosman M.* *Historia Białorusi.* S. 54–64.

³ *Довнар-Запольскі М. В.* *Гісторыя Беларусі.* Мінск, 1994. С. 66–68.

⁴ *Тумаш В.* Важнейшие моменты культурных працэсаў Беларусі // *Беларуская думка XX стагоддзя. Філасофія, рэлігія, культура (Анталогія).* Варшава, 1998. С. 463–467.